

5. *Саверчанка, І. В.* Паэтыка і семіетыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII стст. / І. В. Саверчанка. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 463 с.

6. *Саверченко, І. В.* Памятники литературы Беларуси X–XVIII веков / І. В. Саверченко. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2013. – 462 с.

7. *Сокол, С. Ф.* Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI века / С. Ф. Сокол ; АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1974. – 144 с.

8. *Старостенко, В. В.* Общественная и философская мысль в Беларуси X–XVII вв. : учеб. пособие / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. – 216 с.

9. Философская мысль Беларуси: культурно-исторические этапы, славянский контекст, методология исследования : науч. отчет / А. С. Майхрович [и др.]. – Минск : НАН Беларуси : Беларус. навука, 2005. – 177 с.

ФЕНОМЕН МЯГКОЙ СИЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. А. Можейко,

*старший преподаватель Белорусского
государственного университета физической культуры*

Культурная безопасность в современном ее понимании есть совокупность условий, обеспечивающих сохранение национального культурного многообразия и возможности для его развития в условиях глобализации, поддерживающих национальную безопасность через развитие культурного самосознания и обеспечивающих духовную защиту общества от внутренних и внешних угроз. В сегодняшнем мире процесс глобализации, набирающий силу, обнаруживает усиление не только присущих ему преимуществ (распространение научно-технического прогресса), но и нарастание сопутствующих глобализации угроз. Национальные культуры, которые формировались веками, резко сталкиваются с новой культурной средой, где возможности, вызовы и угрозы иного характера, чем те, что были исторически присущи определенной географической, религиозной или этнической общности.

Говоря о чрезвычайно насыщенном диалоге культур, характерном для глобализации, можно провести символические параллели с Вавилонским столпотворением, которое теперь происходит не в древнем мегаполисе, но в маклюэнской «глобальной деревне» [2]. Подобно тому, как Творец, разделив языки, лишил народы возможности взаимного понимания, так глобализация сегодня зачастую выхолащивает сущность диалога, не позволяя представителям различных культур в действительности понимать друг друга. Одним из главных рисков глобализации в отношении культуры есть деформация кросс-культурного диалога и редукция содержания диалоговых форм культуры, поверхностность которых приводит к вымыванию из культуры человечества высоких ее образцов, требующих проникновения в их глубокое содержание и понимания их глубинного смысла.

В этом контексте обеспечение культурной безопасности не сводится к безопасности культуры как таковой, но ее также можно рассматривать как фактор обеспечения безопасности общества и государства в целом. Как отмечает В. В. Сергеев, «культура, будучи базисным, целостным явлением, обеспечивает сохранение и единство нации, передачу духовных ценностей от поколения к поколению, охраняет нацию от внешних культурных, духовных, информационных угроз» [4, с. 91].

Исторически можно выделить две стратегии обеспечения культурной безопасности. Безопасность-сохранение – исторически более ранняя стратегия культурной безопасности, ориентированная на сохранение культурного наследия в том виде, в каком оно существовало ранее или в каком существует на момент начала целенаправленной работы по его сохранению. Сохранение этого состояния культуры должно происходить независимо от тенденций окружающего мира, а если они угрожают ее неизменности (как глобализация), то вопреки им. Культурная безопасность первого типа стремится обеспечить неприкосновенность культурного объекта – как материального, так и нематериального, – его аутентичность, защиту от внешних влияний. Безопасность-сохранение сфокусирована не на адаптивности и актуальности культуры, не на ее способности соответствовать вызовам времени и удовлетворять насущные

интересы и потребности, но на ее неизменности, сохранении так называемого *истинного* вида. Это актуально для тех отраслей культурной политики, которые целенаправленно ориентированы на такую фокусировку деятельности (музейная деятельность, работа с историко-культурными ценностями, археология, реставрация памятников архитектуры и т. п.). Этот тип культурной безопасности, однако, не гарантирует выживание культуры за пределами заповедника, музея и не обеспечивает всего спектра культурной безопасности.

Вторая стратегия культурной безопасности – безопасность-развитие – ориентирована на обеспечение актуальности культурного наследия, эволюции национальной культуры в соответствии с тенденциями времени и с учетом назревающих изменений, чтобы эта культура оставалась востребованной и в будущем. В этом смысле культурная безопасность признает тот факт, что изменения культуры являются непременным атрибутом ее существования. Безопасность-развитие фокусируется не только на сохранении и поддержке существующей культуры, но и на поиске возможных путей ее модернизации.

Общим элементом двух типов культурной безопасности является сохранение культурного наследия и поддержание непрерывности культурной традиции. Если безопасность-сохранение сфокусирована лишь на том, чтобы поддержать существующую культуру, то безопасность-развитие призвана обеспечивать на этом фундаменте продвижение и обновление культуры, включая защиту от внешних угроз (деструктивных глобализационных вызовов) этой культуре через ее адаптацию.

Важно заострить внимание на этом защитном компоненте. Хотя он является во многом ключевым для обеспечения культурной безопасности, тем ни менее в политике культурной безопасности не должен чрезмерное место занимать силовой компонент. Хотя речь и идет о противостоянии внешним и внутренним угрозам, обеспечение культурной безопасности – это не военные действия. Здесь не место агрессии или силовой защите, противостоянию врагам. Культурная безопасность должна не порождать разделительные линии, но формировать разумное ощущение различий – при этом не ведущих к обязательной конфронтации: ощущение людьми себя как от-

дельной сильной культурной общности не должно включать компонента противостояния с другой культурной общностью (тем более, как ключевого принципа). Акцент должен делаться не на противостоянии другой культуре, а на росте и поддержке своей, создании условий для ее адаптации и развития.

Ключевым элементом такой поддержки культуры, инструментом обеспечения культурной безопасности может выступать феномен мягкой силы.

Понятие «*мягкой силы*» (*soft power*) ввел профессор Гарвардского университета Дж. Най [7], подразумевая под ним концепцию такого политического воздействия, которое добивается результатов за счет не применения прямолинейной грубой силы, а на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности определенных идей, проявлений культуры [8].

Дж. Най рассматривает мягкую силу как фактор воздействия, равный по мощи экономическому давлению и прямой военной силе («три главных источника силы – это армия, экономика и “мягкая сила”» [3, с. 20]), однако принципиально отличающийся от них с точки зрения механизмов воздействия.

Как справедливо отметил В. Иноземцев, «глобализация не требует насилия ... она основана на привлекательности образов, которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции» [1]. Согласно позиции Дж. Ная и Р. Кёхейна [5], современный мир, рассматриваемый с точки зрения протекающих в нем процессов, может быть определен как «взаимозависимый», то есть представляющий собой единый комплекс с подвижной интегральной структурой, отдельные блоки которой реагируют на любые вызовы таким образом, что происходящие в них процессы не могут не отзываться существенным образом на функционирование других блоков, не зависящих от них на первый взгляд. За этой кажущейся независимостью скрывается многофакторная и полиморфная система связей, обеспеченная многочисленными параллельными механизмами своей реализации.

В работе Дж. Ная и Р. Кёхейна, посвященной уточнению идеи взаимозависимости, авторы говорят о том, что прогресс в условиях взаимозависимого мира может быть достигнут

только посредством «эмиссионных связей» [5, с. 738]. Это чрезвычайно важно в мире, который в условиях современных глобализационных процессов оформляется как единый планетарный комплекс, поскольку в современных условиях реализация таких эмиссионных связей возможна лишь на основе международных организаций, в силу чего данными авторами разработана своего рода «модель международной организации» с широким представительством [6, с. 39]. Впрочем, международные организации они рассматривают «не в качестве источников окончательного закона (финальных решений), но в качестве юридических лиц, которые могут институционализировать сеть отношений, в рамках которой возможна трансгосударственная координация стратегических вопросов и построение трансгосударственных коалиций» [5, с. 738].

Таким образом, международным организациям отводится важнейшая роль в реализации эмиссионных связей взаимозависимого мира. Однако одной из трех главных основ этой трансгосударственной координации остается мягкая сила, с помощью которой национальные государства могут и должны продвигать свои интересы (стремясь не породить при этом конфликты и разделительные линии) и обеспечивать культурную безопасность как защиту от глобализационных угроз.

---

1. *Иноземцев, В. Л.* Современная глобализация и ее восприятие в мире [Электронный ресурс] / В. Л. Иноземцев // Век глобализации. – 2008. – Вып. 1. – Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/vg/archive/2008_1/. – Дата доступа: 18.04.2016.

2. *Маклюэн, М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – 2-е изд. – М. : Академический проект, Гаудеамус, 2013. – 496 с.

3. *Най, Дж. С.* «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Дж. С. Най // Свободная мысль-XXI. – 2004. – № 10. – С. 20–24.

4. *Сергеев, В. В.* Культурная безопасность современного российского общества как социокультурная проблема // Обсерватория культуры. – М. : ФГБУ «Российская государственная библиотека», 2010. – № 1. – С. 90–92.

5. *Keohane, R. O.* Power and Interdependence / R. O. Keohane, J. S. Nye // International Organization. – 1987. – Vol. 41. – № 4. – P. 725–753.

6. Keohane, R. O. Transgovernmental Relations and International Organizations / R. O. Keohane, J. S. Nye // World Politics. – 1974. – Vol. 27. – P. 39–62.

7. Nye, J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / J. Nye. – N. Y. : Basic Books, 1991. – 336 p.

8. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – N. Y. : Public Affairs Group, 2004. – 192 p.

КУЛЬТУРА: БЕЗНАЧАЛЬНОКОНЕЧНАЯ ДОРОГА К ХРАМУ

И. В. Морозов,

*доктор культурологии, профессор кафедры менеджмента
социокультурной деятельности Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Зачем нужна та дорога, если она не ведет к храму.
Т. Абуладзе «Покаяние»

При всех индивидуальных различиях люди имеют одну общую «странность» – выделять неким феноменальным образом места особой значимости, способные быть единственными в своем роде. Они напоминают (имитируют) космогонические деяния богов, и знаменуют создание мира, зарождение культуры. Вначале же было обыденное знакомство, то есть включение этих мест в сферу знания, локализация их на когнитивной карте. Однако знакомые места – лишь самый верхний (тонкий) «слой» связанных между собой впечатлений.

Постепенно в миропредставлении кристаллизуются понятия «лучшее», «праведное», «должное», «достойное», «похвальное» и, наконец, «священное» место. В своей иерархии они составляют иератическую структуру мира, став в силу своего феноменологического совершенства центрами притяжения человеческих помыслов (чаяний) и паломников, местами схождения путей воображаемых – символических и очевидных – осязаемых. И все они выражали одно и то же стремление человека – жить в «божественном мире», в умиротворяющем, чисто-светлом порядке, каким он был изначально, когда только